

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

1897—1898.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СЕМНАДЦАТИ ТАБЛИЦЪ И ТРЕХЪ ПОРТРЕТОВЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1899.

ляются только *й, ў, ъ* и *н*, звуковое значеніе буквъ *к, л* и *г* довольно точно опредѣляется составомъ слова, *ј* съ успѣхомъ замѣненъ русскимъ *й*, а вмѣсто *ц* пишется *ж* согласно съ произношеніемъ въ западной части степи; намъ думается, что для практическихъ цѣлей такая транскрипція вполне удовлетворительна и что, если когда нибудь у киргизовъ привьется русская азбука, (что разумѣется желательно), то писать они будутъ именно вродѣ того, какъ пишетъ г. В. Транскрипція его самого вообще недурна, но не безупречна главнымъ образомъ потому, что не вездѣ послѣдовательна, а кое гдѣ и певѣрна. Переводъ также вообще вѣренъ, но при внимательномъ сличеніи съ текстомъ оказывается, что есть довольно таки много мелкихъ неточностей, отступленій и, что особенно страшно, добавленій, происхождение которыхъ намъ неясно. Если г. В. хотѣлъ такимъ образомъ исправить или украсить текстъ или слогъ сказокъ, придать имъ кое-гдѣ болѣе связности, то это совершенно напрасно. Мы настоятельно совѣтуемъ ему и другимъ собирателямъ матеріаловъ переводить какъ можно ближе къ тексту, по возможности ничего не прибавляя «отъ себя», но стараясь конечно о томъ, чтобы русскій языкъ перевода былъ вполне понятенъ и для не-спеціалистовъ. Еще въ болѣе степени наши замѣчанія относительно перевода приложимы къ стихотворному переводу А. В. Васильева «Пѣсни о трехъ молодцахъ». Стихи у него вообще вышли очень неважные, но потребовали въ разныхъ мѣстахъ нежелательныхъ отступленій отъ подлинника. Однако этими словами мы бы не хотѣли отбить у г. В. охоту заниматься киргизской литературой, наоборотъ мы будемъ очень рады, если за первымъ выпускомъ послѣдуетъ и обѣщанное продолженіе.

П. М.

251. Грамматика киргизскаго языка. Фонетика, этимологія и синтаксисъ. Изданіе Православнаго Миссіонерскаго Общества. Оренбургъ. 1897. (1898) [Авторъ: В. В. Катаринскій]. Цѣна 50 коп. 196 стр. 8^о.

Оренбургская губернія представляетъ изъ себя весьма интересное поле наблюденія для турколога, такъ какъ въ ея смѣшанномъ татаро-башкиро-киргизскомъ населеніи можно знакомиться не только съ этими тремя нарѣчійми, но мѣстами и съ различными переходными говорами. Языкъ киргизовъ Оренбургской губ. нѣсколько иной, чѣмъ языкъ ихъ сородичей въ степяхъ Западной Сибири, — вотъ почему и въ разсматриваемую грамматику попали двѣ-три интересныя формы, не отмѣченныя ни у Н. И. Ильминскаго, въ его извѣстныхъ «матеріалахъ», ни у меня (въ «Краткой грамматикѣ казакъ-киргизскаго языка»); таковы «изолированныя» формы

«кележек, бережек» (см. стр. 72), попавшія къ киргизамъ едва-ли не изъ письменнаго татарскаго языка, или форма «алсыйгедим и т. д.» (см. стр. 76 § 26 и ниже стр. 89 и 183); происхожденіе послѣдней формы для меня неполнѣ ясно: оканчивается она несомнѣнно на «едім, едің, еді» и т. д., но что такое «сыйг» и «сыг»? Нѣтъ-ли тутъ связи съ татарскимъ пошеп verbі на «асы»? Жаль, что на эту форму г. К. не привелъ побольше примѣровъ особенно изъ киргизскихъ пословицъ, пѣсень или сказокъ... Трудъ г. К. составленъ вообще добросовѣстно и изложенъ удовлетворительно, такъ что его грамматику прочтеть съ пользою для себя всякій желающій — особенно съ чисто практическою цѣлью — познакомиться съ киргизскимъ нарѣчіемъ. Многочисленныя и тщательно составленныя парадигмы (стр. 29—34, 41—53, 77—110) могутъ успѣшно способствовать усвоенію киргизскаго склоненія и спряженія. Наиболѣе крупнымъ недостаткомъ у г. К. мы считаемъ то, что онъ недостаточно ясно отличаетъ въ языкѣ *грамматическія формы* отъ различныхъ *сложныхъ оборотовъ* и черезчуръ ужъ близко старается придерживаться извѣстной «Грамматики алтайскаго языка», что ведетъ иногда къ недоразумѣніямъ и совершенно ненужнымъ усложненіямъ этимологіи киргизскаго языка и въ частности его спряженія. *Формъ* дѣепричастій послѣдовательнаго, раздѣлительнаго, означающаго предѣлъ въ будущемъ и предварительнаго будущаго (см. стр. 78) въ киргизскомъ языкѣ просто *нѣтъ*, но г. К. создаетъ ихъ искусственно, пользуясь то комбинаціей двухъ глаголовъ, то причастіемъ съ послѣлогомъ и т. п., что способно произвести нѣкоторую путаницу особенно въ головѣ у начинающаго учиться по-киргизски. Въ самомъ дѣлѣ если «карагансонг и т. д.» — дѣепричастіе, то почему-же напр. «келген сайын» и «көрер ұшұн» и т. п. не дѣепричастія, а «дополнительныя» предложенія (ср. стр. 164 и 165), — вѣдь эти обороты также составлены изъ причастія и послѣлога? Еще менѣе позволительно разсматривать какъ *форму* оборотъ вродѣ «алсам керек» (см. стр. 76 и 88), что значить буквально: «мнѣ нужно взять» а отсюда «должно быть я возьму»; вѣдь если признавать подобные обороты *формами*, то спряженіе можно растянуть до бесконечности въ любомъ языкѣ, напр. сочинить по русски «прошедшее вѣроятное» (вѣроятно я взялъ и т. д.), «прошедшее предположительное» (можетъ быть я взялъ и т. д.) и т. д. На нашъ взглядъ не только всѣ вышеупомянутыя и имъ подобныя «формы» должны быть исключены изъ таблицы спряженія, но и всѣ отрицательныя и вопросительныя формы можно изложить гораздо короче, пбо настоящую особенность представляетъ собою въ сущности только будущее время съ отрицаніемъ (стр. 101 e). Равнымъ образомъ и относительно склоненія надо замѣтить, что окончанія «ка» (ке,

га и т. д.), «дан» и «да» (съ ихъ вариантами) не должны быть смѣшиваемы съ послѣлогами вродѣ «менен, сайып, бери» и др. (см. стр. 113); это — настоящія надежныя окончанія, которыя присоединяются непосредственно къ склоняемой основѣ и фонетически сливаются съ корнемъ въ одно цѣлое, что и отличаетъ ихъ отъ послѣлоговъ въ точномъ смыслѣ этого слова. Отлѣтимъ еще нѣсколько болѣе мелкихъ недостатковъ. Въ «фонетикѣ» (стр. 3—12) недостаточно выяснена роль такъ называемаго «губнаго притяженія» въ киргизскомъ языкѣ, что впрочемъ вознаграждено ниже обиліемъ парадигмъ. На стр. 15 неловко сказано: «приставка *лы, ли (ды, ты)* означаетъ а) . . . б) то, на чемъ ѣздятъ: атты (вмѣсто атлы) верховой» и т. д. На стр. 22 приставки «малы» и «макшы» слѣдуетъ разлагать на ма + лы и мак + шы. На стр. 28 г. К. злоупотребилъ пресловутымъ «благозвучіемъ», которое почти никогда и ничего въ языкѣ не объясняетъ, что бы ни говорили грамматикѣ старой школы. На стр. 40 приставки «лап, лаган» и «лата» (съ ихъ вариантами) сводятся несомнѣнно къ глагольному аффиксу «ла»; «екеуле» значить буквально «быть, дѣйствовать вдвоемъ», отсюда «екеулеп» = «будучи, дѣйствуя вдвоемъ»; такъ же и «отуздаган» = «отуз + да + ган» т. е. «находящійся въ числѣ тридцати»; «алтымата» = «алты + ла + т + а» = буквально: «дѣлая что шестью, ушестеряя» и отсюда уже, какъ нарѣчіе, «вшестеро». Форма дѣепричастная на «калы, галь» и т. д. несомнѣнно имѣетъ въ киргизскомъ языкѣ и значеніе супина (см. примѣры въ моей грамматикѣ, часть II, стр. 38, § 20), о чемъ г. К. умалчиваетъ (см. стр. 69 и 151). «Егер» (если) слово не татарское (стр. 120), а персидское. На стр. 159, § 36 г. К. начинается отдѣлъ о предложеніяхъ «дополнительныхъ», причѣмъ употребляетъ этотъ довольно извѣстный терминъ совсѣмъ не въ обычномъ смыслѣ. Я лично нахожу, что соединять въ отдѣлъ «дополнительныхъ», а равно и «вводныхъ» предложеній, предложенія по существу совершенно различныя, вообще говоря, неудобно, и въ своей грамматикѣ я предпочелъ другой способъ изложенія этой части киргизскаго синтаксиса, но, если уже оставаться при системѣ Н. И. Ильминскаго, то слѣдуетъ предпочесть и его терминъ «зависящія» предложенія, такъ какъ подъ «дополнительными» разумѣется обыкновенно нѣчто иное. Почему г. К. видитъ въ фразахъ, приводимыхъ имъ на стр. 160, б) и 161-ой, какія-то «дополнительныя предложенія въ родительномъ падежѣ», для меня неясно; все дѣло сводится по моему къ весьма извѣстному сочетанію имени въ родит. пад. съ другимъ пменемъ, снабженнымъ притяжательнымъ аффиксомъ, или къ опредѣлительному предложенію (см. хотя бы у самого г. К. выше, стр. 155—157). Тѣ-же опредѣлительныя предложенія вижу я и въ приведенныхъ на стр. 164, 2) примѣрахъ, см. также у г. К., стр. 79, гдѣ онъ

самъ называетъ формы на «гандай, гендей» и т. д. «возможными причастіями». На стр. 179 г. К., беря примѣръ изъ «Грамматики алтайскаго языка» (стр. 235), позабылъ вполне передѣлать алтайскую (?) форму на киргизскую, чит. поэтому «канымызды» вм. «каныбысты». Всѣ эти замѣчанія не должны однако подрывать высказанный нами выше общій приговоръ книжкѣ г. К. и, если ей суждено увидѣть второе изданіе, то мы надѣемся, что авторъ воспользуется нашими замѣчаніями *sine ira et studio*.

П. М.

252. А. В. Васильевъ. Матеріалы къ характеристикѣ взаимныхъ отношеній татаръ и киргизовъ съ предварительнымъ краткимъ очеркомъ этихъ отношеній. Оренбургъ. 1898. 63 стр. 8°.

Въ первой части этой весьма интересной брошюры г. В. разсказывается съ нѣкоторыми новыми подробностями, какъ втеченіе XVIII-го и первой половины XIX вѣка мы, русскіе, прилагали всѣ старанія, чтобы распространить въ киргизской степи исламъ и отатарить киргизовъ, въ чемъ разумѣется до нѣкоторой степени и успѣли. Однако въ послѣдніа десятилѣтія нежелательность такого образа дѣйствій сознана и принимаются мѣры для ограниченія татарскаго вліянія на киргизовъ. Къ счастью, какъ явствуетъ между прочимъ изъ матеріаловъ, содержащихся во второй части брошюры г. В., престижъ татаръ въ киргизской степи вовсе ужъ не такъ высокъ и до полной солидарности между татарами и киргизами еще далеко. Для выясненія взглядовъ татаръ и киргизовъ другъ на друга г. В. употребилъ прекрасный пріемъ, заставивъ говорить ихъ самихъ. Дѣло въ томъ, что еще въ 1841 г. какой-то татаринъ, ревнитель мусульманскаго благочестія, написалъ въ стихахъ сатирическое изображеніе жизни и нравовъ киргизовъ; сочиненіе это было напечатано въ 1879 г., съ тѣхъ поръ выдержало нѣсколько изданій и разошлось между прочимъ и по киргизской степи. Г. В. кажется неизвѣстно, что эта сатира, представляющая немалый этнографическій интересъ, была напечатана уже въ 1872 году въ IV томѣ «Образцовъ народной литературы тюркскихъ племенъ» В. В. Радлова и снабжена тогда-же нѣмецкимъ переводомъ (см. томъ IV, стр. 170—188 и IV Theil, S. 214—233); она обратила на себя вниманіе и Павэ де Куртейля (см. J. A. 1874, 4, p. 259). Очень любопытно, что это сатирическое татарское сочиненіе вызвало «отповѣдь» со стороны одного киргизскаго поэта (Абу Бакыра?), весьма извѣстную въ степи въ рукописи, по словамъ г. В.; г. В. помѣстилъ ее въ текстъ и переводъ на стр. 32—42. Другимъ образчикомъ татарско-киргизской полемики является «пѣсенное состязаніе»